

**«Вспышка сознания в беспмятстве дней»:
пророческий дар Анны Ахматовой***

Татьяна Снигирева

¹Уральский федеральный университет;

²Институт истории и археологии Уральского отделения РАН,
Екатеринбург, Россия

Анна Меньщикова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**“A Flash of Consciousness in the Unconsciousness of Days”:
Anna Akhmatova’s Prophetic Gift****

Tatyana Snigireva

¹Ural Federal University;

²Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

Anna Menshchikova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This study focuses on *From Sketches* (1959), a little-known poem of Anna Akhmatova’s later work that has received no literary commentary. The fragment fits into some of the poet’s known poetic and prose predictions and is also

* Исследование А. Меньшиковой выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина в соответствии с Программой стратегического академического лидерства «Приоритет – 2030».

** *Citation*: Snigireva, T., Menshchikova, A. (2024). “A Flash of Consciousness in the Unconsciousness of Days”: Anna Akhmatova’s Prophetic Gift. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 2. P. 436–448. DOI 10.15826/qr.2024.2.887.

Цитирование: Snigireva T., Menshchikova A. “A Flash of Consciousness in the Unconsciousness of Days”: Anna Akhmatova’s Prophetic Gift // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 2. P. 436–448. DOI 10.15826/qr.2024.2.887 / Снигирева Т., Меньщикова А. «Вспышка сознания в беспмятстве дней»: пророческий дар Анны Ахматовой // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 2. С. 436–448. DOI 10.15826/qr.2024.2.887.

correlated with the image of Cassandra that accompanied Akhmatova throughout her creative life. Referring to some of the poet's memoirs and autobiographical prose, as well as to materials from the author's notebooks, it is possible to discover some overlaps that indicate, on the one hand, the writer's consistent strategy (from prediction to the terrible ability to draw upon misfortune), and, on the other hand, the integrity of the image of time / the end of time that is formed in Akhmatova's notes: both in the work on variants of poetic lines, and in the secret writing of notebooks. At present, there are several versions of the poem, written at different times, some of which have a title and some of which do not, and are characterised by major and minor discrepancies. A comparative textual analysis of the poetic variations testifies to the poet's search for increasingly powerful and precise means of describing the approach of an apocalyptic catastrophe. Despite the intonational similarity of *The Running of Time*, the 'sketch' in question appears never to have been incorporated by the poet as a separate stanza into a cycle or larger text. The study shows that the poem, highlighted by a poetic and prosaic context, reveals one of the key features of the poetics of the unfinished, typical of A. Akhmatova's later artistic thinking. The dialogical nature and 'semantic valence' of Akhmatova's poetry, and the emergence of new meanings, are stimulated by the 'passage of time' and are actualised when disasters and difficulties occur, each time helping to uncover the hidden visionary layers of Akhmatova's poetry.

Keywords: Anna Akhmatova, later work, Cassandra, prophecy, poetics of a fragment, unfinished art piece

В центре исследования – малоизвестное стихотворение Анны Ахматовой позднего периода творчества «Из набросков» (1959), до настоящего момента не получившее литературоведческого комментария. В ходе исследования фрагмент вписывается в ряд достаточно известных поэтических и прозаических предсказаний поэта, а также соотнесен с образом Кассандры, сопровождавшим Ахматову на протяжении всей ее творческой судьбы. Обращение к массиву мемуаров, связанных с образом поэта, а также к автобиографической прозе и материалам записных книжек автора позволяет обнаружить пересечения, указывающие, с одной стороны, на последовательную стратегию пишущего (от предсказания как такового до страшной способности накликания несчастий), с другой – на целостность образа времени / конца времен, который складывается в записях Ахматовой и в работе над вариантами стихотворных строк, и в тайнописи записных книжек. На сегодняшний день доступно несколько вариантов стихотворения с разными датировками, поставленным или отсутствующим названием, существенными или небольшими разночтениями. Текстологический сопоставительный анализ поэтических вариаций свидетельствует о поисках поэтом все более сильных и точных средств изображения приближающейся апокалиптической катастрофы. Несмотря на интонационную близость «Бегу времени», рассматриваемый набросок, по всей видимости, так и не был включен поэтом в цикл или более крупный текст в качестве отдельных строк. Исследование показало, что стихотворение, подсвеченное поэтическим и прозаическим контекстом, являет одну из ключевых черт

поэтики незавершенного, столь свойственных художественному мышлению поздней Ахматовой. Диалогичность, «смысловая валентность» поэзии Ахматовой, возникновение новых смыслов стимулируются «бегом времени», актуализируются при свершении катастроф и бед, что каждый раз позволяет обнаруживать ее скрытые провидческие пласты.

Ключевые слова: Анна Ахматова, позднее творчество, Кассандра, пророчество, поэтика фрагмента, незавершенное

Образ Кассандры сопровождал Анну Ахматову на протяжении всей жизни наряду с другими зеркальными образами (девы Луны, русалки, колдуньи, Федры, скорбной музы, чингизидки, царицы, жены, матери), возникающими, чередующимися, спорящими друг с другом по мере разворачивания судьбы поэта. Система alter ego лирического «я» закрепляется в творчестве как самой Ахматовой, так и ее друзей-современников в поэзии, затем в мемуарах, позже – в литературоведческом осмыслении.

Ахматова внимательно следила, какой образ складывается вокруг ее имени (а порой сознательно моделировала его). Образ Кассандры, связанный с тайным трагическим знанием, поддерживала и культивировала, «подкладывая» (выражение Ахматовой) современникам все новые факты своего дара предугадывания и предвосхищения событий. В мемуарах о поэте действительно нередко встречаются упоминания о ее способности предвидеть: «Могу сообщить одну, и довольно существенную черту в ее творчестве: предчувствие своей судьбы» [Срезневская, с. 6]; «Она вдруг сосредоточенно посмотрит на меня и вдруг скажет что-нибудь, и я раскрою от удивления глаза: она поймала мою мысль и ответила на нее» [Мандельштам Н. Я., с. 325]; «В Ахматовой ум, способность к острой критической оценке и иронический юмор сосуществовали с представлением о мире, которое было не только драматичным, но иногда – провидческим и пророческим» [Берлин, с. 449].

Ярким примером мимолетного предсказания чужой судьбы, поддержанным многими исследованиями, стал сюжет воспоминаний о предсказанной смерти едва знакомой девушки: «Однажды в ее присутствии дома шел разговор о какой-то девочке, о ее одаренности. Ахматова, совсем еще юная, лежала с книжкой на диване, не участвуя в разговоре. А когда кто-то сказал, что девочке предстоит большое будущее, Ахматова неожиданно для самой себя произнесла: “Да, если в шестнадцать лет она не умрет в Ницце о чахотки”. Все были поражены, когда предсказание в точности сбылось» [Роскина].

Еще чаще можно обнаружить воспроизведенные диалоги с поэтом, в которых мысль о пророческом даре предлагается собеседнику от первого лица. Так, Г. В. Глёткин в дневниковую запись от 24 февраля 1960 г. включает слова Ахматовой «Вообще меня надо жечь как колдунью», а ниже дает комментарий: «Она рассказала,

как предсказала Ирине (Пуниной. – Т. С., А. М.) деканство в Архит. ин-те» [Глѣкин, с. 111]. Показательно, что здесь же автор воспоминаний обращается к прозаическим опытам Ахматовой: «Она прочла страничку своих дневниковых записей... там есть фраза о том, что она чувствует, что что-то с ней происходит – “как дыханье раскаленной печи”» [Там же], а в комментариях приводит более обширный прозаический фрагмент:

Последние дни я все время дополнительно чувствую, что где-то что-то со мной случается. По какой линии, это еще неясно. То ли в Москве, то ли еще где-нибудь что-то втягивает меня, как горячий воздух огромной печи или винт парохода [Ахматова, 1986, т. 2, с. 257].

А. А. Ахматова. Ленинград, зима 1958–1959 гг. Фотография Б. Н. Стрельникова с сайта аукционного дома «Империя». <http://www.auction-imperia.ru/>

A. A. Akhmatova. Leningrad, winter of 1958–1959. Photograph by B. N. Strel'nikov

В данном случае очевидно участие поэта в создании заметок и воспоминаний о себе, поскольку текст ее прозы вводится в форме прямой цитаты и служит усилением провидческой темы.

К наиболее известным, закрепленным в прозе поэта сюжетам о собственном даре провидения относятся рассказы о словах по поводу мемориальной доски на даче Саракини, сказанных в 15-летнем возрасте («У входа в избушку я сказала: “Здесь когда-нибудь будет мемориальная доска”. Я не была тщеславна. Это была просто глупая шутка» [Ахматова, 1999–2001, т. 5, с. 164]). Широко известны воспоминания об «увиденной» задолго до постройки «будке» («эти зеленые домики с застекленными террасами... непрерывно стояли перед моими (закрытыми) глазами в 1951 г. в Пятой Советской больнице (Москва), когда я лежала после инфаркта и, вероятно, находилась под действием пантопона. Дома эти тогда еще не существовали – их построили в 1955 г.» [Ахматова, 1986, т. 2, с. 254]); о «круглоголовом человеке без лица», являвшимся поэту во время тяжелейшего тифа в 1942 г. и рассказывавшем все, что случится после возвращения из Ташкента (запись об этом видении была сожжена) [Ахматова, 1999–2001, т. 5, с. 163].

Способность предугадать, предречь, обозначить трагическое событие Ахматова всегда связывала с поэтическим даром, с «царственным словом»:

Но в мире нет власти
Грозней и страшней,
Чем вещее слово поэта
(1959) [Ахматова, 1990, т. 2, с. 106];

Поэт не человек, а только дух –
Будь слеп он, как Гомер,
Иль, как Бетховен, глух, –
Все видит, слышит, всем владеет...
(1962) [Там же, с. 83].

В это же время – в конце 1950-х – 1960-е гг., работая над материалами о Пушкине, Ахматова делает запись, которая может быть прочитана как пророчество о судьбе гения:

И, что самое для них (гонителей и мучителей Пушкина. – Т. С., А. М.)
страшное, – они могли бы услышать от поэта:

За меня не будете в ответе,
Можете пока спокойно спать.
Сила – право, только ваши дети
За меня вас будут проклинять
[Ахматова, 1990, т. 2, с. 110].

Убедительный анализ образа Ахматовой-провидицы, предвещницы бедствий, предложен Т. В. Цивьян в статье «Кассандра, Дидона, Федра. Античные героини – зеркала Ахматовой». Подробно рассмотрев каждое из отражений, исследователь приводит более десяти известных поэтических высказываний 1910–1960-х гг., в числе которых и ранние строки «Памяти 19 июля 1914», и «Молитва», а также поздний «Трилистник московский», отрывки из «Реквиема» и «Поэмы без героя», связанных с трагическими предсказаниями, осуществленными поэтическим словом Ахматовой. Прослеживая становление и закрепление образа Кассандры – предвещницы трагических событий, начатое О. Мандельштамом («Я не искал в цветущие мгновенья / Твоих, Кассандра, губ, твоих, Кассандра, глаз...» [Мандельштам О. Э., с. 118]), Т. Цивьян отмечает неожиданно раннее появление мотива предсказания, «когда, казалось бы, нельзя было провидеть бед и катастроф» [Цивьян, с. 29], предвидения поэтом трагических событий, в том числе в собственной судьбе, вплоть до знания обстоятельств собственной смерти:

Случится это в тот московский день,
Когда я город навсегда покину...
[Ахматова, 1990, т. 1, с. 293].

При этом мотив трагического предвидения, по точному замечанию исследовательницы, оборачивается в поэтическом слове темой накликаемой беды, столь же отчетливо явленной в творчестве Ахматовой, что с безусловностью подтверждается известными строками:

Я гибель наклкала милым...
О горе мне! Эти могилы
Предсказаны словом моим
[Ахматова, 1990, т. 1, с. 168].

Один из самых известных примеров предсказанного и/или накликаемого – ахматовская «Молитва», на примере которой, а также стихотворения «Памяти 19 июля 1914» Л. Г. Кихней, неоднократно обращаясь к анализу мифопоэтической основы творчества Ахматовой, разворачивает «анатомию» эсхатологического пророчества поэта, становящегося вневременным. Л. Г. Кихней говорит о проекции образов реальности на мифологическую метаситуацию, на «матричное событие» эпохи, Первую мировую войну – наказание, испытание. Конкретные коллизии получают преломление в зеркале фольклорной и библейской традиции, переставая соотноситься исключительно с событиями, имеющими точные даты [Кихней].

Возможность соположения конкретного момента и архетипических ситуаций, их преломления в зеркале мифов, значимых для Ахматовой, определяется диалогичностью ее текстов. Л. Г. Кихней и Т. С. Круглова приходят к выводу об отсутствии «твердого» смысла в большинстве поздних произведений поэта: «Семантика текста представляется неким “силовым потоком”, который меняет свой вектор в зависимости от читательского восприятия. При этом та или иная трактовка... задается самим текстом, вернее, скрытыми, как бы спящими в нем “смысловыми валентностями”. И способность образовывать новые “химические соединения” смысла обуславливается... интертекстуальным включением того или иного произведения в макродиалог биографии – истории – культуры» [Кихней, Круглова, с. 132].

Примерами неожиданного считывания другого, лично-индивидуального смысла могут служить многочисленные упоминания Ахматовой о восприятии «Поэмы без героя». Приведем одно из них:

Я начинаю замечать еще одно странное свойство Поэмы: ее все (подчеркивание Ахматовой. – Т. С., А. М.) принимают на свой счет, узнают себя в ней. В этом есть что-то от «Фауста» [Записные книжки, с. 154].

Показательны рассуждения Аллы Демидовой о свойстве поэзии Ахматовой перекликаться с сегодняшним днем. Вспоминая о своем выступлении в разрушенном от землетрясения Спитаке, она пишет: «Я стала читать там “Реквием”, и оказалось, что это не про 37-й год, а про то, что произошло в Армении. Все плакали. Это было абсолютно про них» [Демидова, с. 149].

Диалогичность, «смысловая валентность», возникновение новых «химических соединений смысла» стимулируются «бегом времени», актуализируются при свершении катастроф и бед, что каждый раз позволяет обнаруживать скрытые провидческие пласты ахматовской поэзии. Так, практически не замеченным для исследователей в ряду более известных поэтических пророчеств стало стихотворение «Даль рухнула, и пошатнулось время...»:

Из набросков

Даль рухнула, и пошатнулось время,
 Бес скорости стал пяткою на темя
 Великих гор и повернул поток,
 Отравленным в земле лежало семя,
 Отравленным бежал по стеблям сок,
 Людское мощно вымирало племя,
 И знали мы, что очень близок срок
 [Ахматова, 1999, т. 2, кн. 2, с. 35].

Едва ли не единственным развернутым высказыванием об «отрывке» стали размышления В. Д. Берестова, предположившего, что стихотворение могло относиться к ненаписанному «Фаусту». Одновременно автор расширяет возможность трактовки: «Страшное видение неких грядущих Чернобылей, поворотов рек, усыхания Арала и пока неведомых нам экологических катастроф: ведь теперь “бес скорости” может мигом осуществить на деле самые фантастические замыслы» [Берестов, с. 2].

На нынешний день доступно несколько вариантов стихотворения с различающимися датировками, имеющимся или отсутствующим названием, существенными или небольшими разночтениями. В процитированном выше шеститомнике оно дается с названием и датировкой – 1959¹. Стихотворение опубликовано вне раздела в соответствии с хронологическим принципом издания стихов. В комментариях к этому изданию представлено еще три черновых автографа (БП, РГАЛИ, РНБ), разошедшихся по разным изданиям А. Ахматовой. В записных книжках указаны авторская датировка (1950-е гг.) и название – «Из набросков», что дает основания полагать: название имело значение и связано с указанием на фрагментарность – одну из ключевых черт поэтики незавершенного, столь свойственную художественному мышлению поздней А. Ахматовой. В некоторых вариантах стихотворения встречаются пропущенные или незаконченные строки – многоточия и отточия, что позволяет говорить о том, что набросок мог мыслиться поэтом и как часть более глобального художественного единства, так и оставшегося невоплощенным.

¹ Дано указание, что первая публикация осуществлена в издании БП по автографу РГАЛИ. Заметим, что этот вариант графически и лексически почти совпадает с записными книжками, в последней строке убран лишь противительный союз «и», поставленный Ахматовой в скобках, «все» заменено на «мы».

Текст вариативен лексически, графически, в нем меняются границы предложений, число строк, рисунок рифмы.

Вариант 1

Даль рухнула, и пошатнулось время,
Бес скорости [невидимо] вдруг наступил на темя
Могучих гор и повернул поток,
В земле [дремучей не прозябло], отравлено, лежало семя,
[По стеблю не пошел зеленый сок].

И все, что снилось нам в начале века,
.....

Индуса бредни, и мечтанья грека,
И Страшного суда великий час, –
Все у порога...

[Ахматова, 1999, т. 2, кн. 2, с. 341].

Вариант 2

Пространство выгнулось, и пошатнулось время,
Дух скорости ногой ступил на темя
Великих гор и повернул поток.
Отравленным в земле прозябло семя,
И знали все, что наступает срок
[Там же].

Вариант 3

Даль рухнула и пошатнулось время
.....
Бес скорости ногой ступил на темя
Великих гор и повернул поток.
Отравленным в земле лежало семя,
Отравленным бежал по стеблям сок,
.....племя,
Но знали все, что очень близок срок
(1959) [Там же].

Вариант 4

Из набросков

Даль рухнула, и пошатнулось время,
Бес скорости стал пяткою на темя
Великих гор и повернул поток,
Отравленным в земле лежало семя,
Отравленным бежал по стеблям сок,
Людское мощно вымирало племя,
[Но] И знали все, что очень близок срок
(1959) [Записные книжки, с. 570].

Сопоставительный анализ поэтических вариаций свидетельствует о поисках поэтом все более сильных и точных средств изображения приближения апокалиптической катастрофы. Ямбическая пятистопная основа стиха с нередкими спондеями на первой стопе, найденная изначально, ритмически оптимально передает чувство неумолимой неизбежности гибели пространства, земли, человечества, всего миропорядка. Ахматова быстро отказывается от отсылки к Серебряному веку («И все, что снилось нам в начале века...») как излишней апелляции к личной судьбе и ненужной привязки к конкретной эпохе. Глаголы совершенного вида прошедшего времени – *рухнула, стал, повернул* – нередко могут, а в данном случае являются маркером будущего времени, глаголы несовершенного вида – *лежало, бежал, вымирало, знали* – несут значение длящегося непрекращающегося действия. Прошедшее время призвано будущее представить как уже пришедшее, как знак неминуемости и неотвратимости: *так будет*. Более всего подверглись изменениям финальные строки: *И Страшного суда великий час, – / Все у порога... → Отравленным в земле прозябло семя, / И знали все, что наступает срок. → племя / Но знали все, что очень близок срок. → Людское мощно вымирало племя, [Но] И знали все, что очень близок срок. → Людское мощно вымирало племя, / И знали мы, что очень близок срок*. Замена *все* на *мы* носит сущностный характер. Местоимение третьего лица в поэзии Ахматовой возникает там и тогда, где и когда поэт соединяет свою судьбу первоначально со своим поколением [Меньщикова, Снигирева], далее – с народом, на исходе жизни – с человечеством [Снигирева].

Эсхатология поздней Ахматовой сопряжена с ее трагически обостренным чувством времени, максимально точно зафиксированным в стихотворении 1961 г. «Бег времени»:

Что войны, что чума! – конец их виден скорый,
Им приговор почти произнесен...
Но кто нас защитит от ужаса, который
Был бегом времени когда-то наречен?
[Ахматова, 1999, т. 2, кн. 2, с. 108].

Примечательно, что в издании сочинений А. Ахматовой под редакцией Н. Н. Скатова один из вариантов «Из набросков» (совпадает с вариантом 2) соседствует с близким по времени написания стихотворением «Скорость» (1959):

Бедствие это не знает предела...
Ты, не имея ни духа, ни тела,
Коршуном злобным на мир налетела,
Все исказила, и всем овладела,
И ничего не взяла
[Ахматова, 1990, т. 2, с. 66].

Несмотря на отсутствие прямых указаний Ахматовой на связь двух стихотворений, их общая природа не вызывает сомнений: и в том, и в другом случае субъектом оказывается не знающая сопротивления дьявольская сила (бес времени, катастрофа, апокалипсис).

Возможность включения «Из набросков» в макродиалог с разными уровнями смысла подтверждает разножанровый материал, связанный с темой апокалипсиса: это поэтические отрывки, стихи, сны, зафиксированные поэтом в записных книжках или рассказанные своим собеседником. Так, в записной книжке № 17 (1963–1965) параллельно с текстами, относящимися к «Энума Элиш. (Прологу или сну во сне)», Ахматова упоминает об отъезде в Будку в компании с Ан. Найманом и о предшествовавшем дороге ночном кошмаре:

30-е августа, день отъезда в Будку. <...> Едем небывалой дорогой (парками) через очень странное, очень красивое наводнение. Вода (без ветра) совсем, как жидкое серебро или ртуть. Она тяжело и медленно выливается из берегов, образуя неожиданные островки и грозя бедой. <...> Эсхатологические небеса, почти с грозной надписью. Мой сон накануне превосходил все, что в этом роде было со мной в жизни. Я видела планету Землю, какой она была через некоторое время (какое?) после ее окончательного уничтожения. Кажется, все бы отдала, чтобы забыть этот сон! [Записные книжки, с. 485–486].

Описание поэтом пути наяву и краткое упоминание о страшном сне сходны с сюжетом апокалиптического сна Ахматовой, записанным Ан. Найманом:

После мировой катастрофы я, одна-одинешенька, стою на земле, на слякоти, скольжу, не могу удержаться на ногах, почву размывает. И откуда-то сверху, расширяясь по мере приближенья и поэтому все более мне угрожая, низвергается поток, в который соединились все великие реки мира: Нил, Ганг, Волга, Миссисипи... Только этого не хватало [Найман, с. 16].

Характерна последняя реплика, которой поэт завершает пересказ сна, вновь напоминая о способности не только предсказать, но и накликать, сделать катастрофу реальностью. Н. Г. Гончарова, изучая установки и приемы, применяемые Ахматовой при ведении дневниковых записей, обращается к процитированному фрагменту: «"Жидкое серебро или ртуть", символ смерти, в одном контексте с "эсхатологическими небесами" возводит запись от трагедии личной жизни к Апокалипсису... Ахматовой создается как бы второй план реальности... и там речь идет уже не о наводнении или оттенках серого цвета неба и моря, но о близости смерти, о предстоянии ей...» [Гончарова, с. 335–336].

Важно, что запись, сделанная Ахматовой несколькими днями позже, вновь возвращает к сюжету апокалиптического сна, продолжает

мотив предвидения, а также, судя по всему, содержит отсылку к образу «беса скорости» и столь близкому стихотворению «Скорость»:

Поехала кататься с друзьями Толи. Дорога. Озера. Скорость (подчеркивание Ахматовой. – Т. С., А. М.). Вернувшись, предсказала приход Peter'a Norman'a, который не замедлил появиться. Ночь в полукошмарах, но по крайней мере не эсхатологических, как 30-го, и то хорошо. Ехала непременно мимо Валиной могилы. О, Боже! 120 км в час. <...> Тот, кто вел машину, свалился в инфаркте... [Записные книжки, с. 487–488].

Фактографическая, казалось бы, деталь маршрута – мимо места захоронения Валерии Срезневской, дружба поэта с которой длилась всю жизнь, – актуализирует «второй план реальности», обозначенную Н. Г. Гончаровой тему смерти: хрестоматийное стихотворение «Памяти В. С. Срезневской» (1964) завершается строками:

Но звонкий голос твой зовет меня оттуда
И просит не грустить и смерти ждать, как чуда.
Ну что ж! попробую
[Ахматова, 1999, т. 2, кн. 2, с. 213].

Не включенный в более крупный текст в качестве отдельных строф, незавершенный набросок, подсвеченный поэтическим и прозаическим контекстом, отражает поэтику позднего творчества Ахматовой: обращение автора к форме фрагмента позволяет наиболее точно передать природу пророчества как внезапной «вспышки сознания» [Ахматова, 1999–2001, т. 5, с. 23]. В этом смысле точно замечание о природе ахматовских предсказаний: «Как и подобает, телепатом была стихийным, на волнах, идущих из бессознательного, где она прежде преимущественно пребывала... Точно таким же она была пророком, предсказательницей...» [Барзас].

Реплика комментаторов стихотворения в шеститомнике – «Смысл этого не вполне ясного отрывка...» [Ахматова, 1999–2001, т. 2, кн. 2, с. 342] – парадоксально позволяет считать множественность смыслов и ассоциаций поэтического пророчества «Из набросков» – от предощущения своего скорого ухода до вымирания племени людей в мире, в котором «Даль рухнула, и пошатнулось время». Если в «Молитве» молодая Ахматова предсказывает свою личную судьбу, то в «Из набросков» на склоне лет – возможно, судьбу человечества.

Библиографические ссылки

Ахматова А. А. Сочинения : в 2 т. М. : Худож. лит., 1986. Т. 1. Стихотворения и поэмы. 511 с. Т. 2. Проза. 463 с.

Ахматова А. А. Сочинения : в 2 т. М. : Правда, 1990. Т. 1. 448 с. Т. 2. 432 с.

Ахматова А. А. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Эллис Лак, 1999–2001. Т. 2, кн. 2. Стихотворения 1959–1966. 528 с. Т. 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. 800 с.

Барзас В. Многоэтажная Ахматова // Нева : [сайт]. 1999. № 7. URL: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/vospominaniya/barzas-mnogoetazhnaya-ahmatova.htm> (дата обращения: 16.01.2024).

Берестов В. П. «Мне иногда не верилось в свое счастье: захочу и приду к Ахматовой!» : [Воспоминания] // Вечерний клуб. 1996. № 25. 5 марта. С. 35–45.

Берлин И. Из воспоминаний «Встречи с русскими писателями» // Воспоминания об Анне Ахматовой / сост. В. Я. Виленкин, В. А. Черных. М. : Сов. писатель, 1991. С. 436–459.

Глэкин Г. В. Что мне дано было... Об Анне Ахматовой. М. : Азбуковник, 2015. 304 с.

Гончарова Н. Г. О так называемых «дневниковых записях» Анны Ахматовой // Вопр. лит. 2011. № 3. С. 327–357.

Демидова А. С. Бегущая строка памяти : автобиогр. проза. М. : Эксмо-Пресс, 2000. 512 с.

Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / сост., подг. текста К. Н. Суворова. М. ; Torino : Рос. гос. архив лит-ры и иск-ва на рус. яз. : Giulio Einaudi ed. s. p. a., 1996. 850 с.

Кихней Л. Г. Поэзия Анны Ахматовой. Тайны ремесла. 1997 // Анна Ахматова : [сайт]. URL: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/kihnej-tajny-remesla/index.htm> (дата обращения: 16.01.2024).

Кихней Л. Г., Круглова Т. С. К проблеме диалога в лирике Анны Ахматовой // Крымский ахматовский научный сборник / сост. и науч. ред. Г. М. Темненко. Вып. 7. Симферополь : Крым. архив, 2009. С. 113–133.

Мандельштам Н. Я. Из воспоминаний // Воспоминания об Анне Ахматовой / сост. В. Я. Виленкин, В. А. Черных. М. : Сов. писатель, 1991. С. 299–325.

Мандельштам О. Э. Сочинения : в 2 т. М. : Худож. лит., 1990. Т. 1. Стихотворения. 638 с.

Меньщикова А. М., Снигирева Т. А. Поэтическое поколение в осмыслении Анны Ахматовой // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18, № 4. С. 115–126.

Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой. М. : АСТ, 2008. 237 с.

Роскина Н. «Как будто прощаюсь снова...» // Звезда : [сайт]. 1989. № 6. URL: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/vospominaniya/roskina-kak-budto-proschayus-snova.htm> (дата обращения: 16.01.2024).

Снигирева Т. А. «Я» и «мы» в поздней лирике Анны Ахматовой // Проблемы языковой концептуализации и категоризации действительности. Екатеринбург : Изд-во УрГПУ, 2004. С. 109–117.

Срезневская В. С. Дафнис и Хлоя // Воспоминания об Анне Ахматовой / сост. В. Я. Виленкин, В. А. Черных. М. : Сов. писатель, 1991. С. 5–19.

Цивьян Т. В. Кассандра, Дидона, Федра. Античные героини – зеркала Ахматовой // Лит. обозрение. 1989. № 5. С. 29–33.

References

Akhmatova, A. A. (1986). *Sochineniya v 2 t.* [Works. 2 Vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 1. Stikhotvoreniya i poemu. 511 p. Vol. 2. Proza. 463 p.

Akhmatova, A. A. (1990). *Sochineniya v 2 t.* [Works. 2 Vols.]. Moscow, Pravda. Vol. 1. 448 p. Vol. 2. 432 p.

Akhmatova, A. A. (1999). *Sobranie sochinenii v 6 t.* [Selected Works. 6 Vols.]. Moscow, Ellis Lak. Vol. 2. Book 2. Stikhotvoreniya 1959–1966. 528 p. Vol. 5. Biograficheskaya proza. Pro domo sua. Retsenzii. Interv'yu. 800 p.

Barzas, V. (1999). *Mnogoetazhnaya Akhmatova* [Multi-story Akhmatova]. In *Neva* [website]. No. 7. URL: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/vospominaniya/barzas-mnogoetazhnaya-ahmatova.htm> (accessed: 16.01.2024).

Berestov, V. P. (1996). “Mne inogda ne verilos’ v svoe schast’e: zakhochu i pridu k Akhmatovoi!” Vospominaniya [“Sometimes I couldn’t believe my happiness: if I want to, I’ll go and see Akhmatova!”]. Memoirs]. In *Vechnii klub*, No. 25. March 5, pp. 35–45.

Berlin, I. (1991). Iz vospominanii “Vstrechi s russkimi pisatelyami” [From the *Encounters with Russian Writers Memoirs*]. In Vilenkin, V. Ya., Chernykh, V. A. (Eds.). *Vospominaniya ob Anne Akhmatovoi*. Moscow, Sovetskii pisatel’, pp. 436–459.

Demidova, A. S. (2000). *Begushchaya stroka pamyati. Avtobiograficheskaya proza* [The Tickertape of Memory. Autobiographical Prose]. Moscow, Eksmo-Press. 512 p.

Glekin, G. V. (2015). *Chto mne dano bylo... Ob Anne Akhmatovoi* [What Was Given to Me... About Anna Akhmatova]. Moscow, Azbukovnik. 304 p.

Goncharova, N. G. (2011). O tak nazyvaemykh “dnevnikovyykh zapisyakh” Anny Akhmatovoi [About the So-called “Diary Entries” of Anna Akhmatova]. In *Voprosy literatury*, No. 3, pp. 327–357.

Kikhnei, L. G. (1997). Poeziya Anny Akhmatovoi. Tainy remesla [Poetry of Anna Akhmatova. Secrets of the Craft]. In *Anna Akhmatova* [website]. URL: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/kihnei-tajny-remesla/index.htm> (accessed: 16.01.2024).

Kikhnei, L. G., Kruglova, T. S. (2009). K probleme dialoga v lirike Anny Akhmatovoi [On Dialogue in the Lyrical Poetry of Anna Akhmatova]. In Temnenko, G. M. (Ed.). *Krymskii akhmatovskii nauchnyi sbornik*. Iss. 7. Simferopol, Krymskii arkhiv, pp. 113–133.

Mandelstam, N. Ya. (1991). Iz vospominanii [From Memoirs]. In Vilenkin, V. Ya., Chernykh, V. A. (Eds.). *Vospominaniya ob Anne Akhmatovoi*. Moscow, Sovetskii pisatel’, pp. 299–325.

Mandelstam, O. E. (1990). *Sochineniya v 2 t.* [Works. 2 Vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 1. Stikhotvoreniya. 638 p.

Men’shchikova, A. M., Snigireva, T. A. (2016). Poeticheskoe pokolenie v osmyslenii Anny Akhmatovoi [Poetic Generation as Viewed by Anna Akhmatova]. In *Izvestiya Ural’skogo federal’nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. Vol. 18. No. 4, pp. 115–126.

Naiman, A. (2008). *Rasskazy o Anne Akhmatovoi* [Stories about Anna Akhmatova]. Moscow, AST. 237 p.

Roskina, N. (1989). “Kak budto proshchayus’ snova...” [“It’s like I’m saying goodbye again...”]. In *Zvezda* [website]. No. 6. URL: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/vospominaniya/roskina-kak-budto-proshchayus-snova.htm> (accessed: 16.01.2024).

Snigireva, T. A. (2004). “Ia” i “my” v pozdnei lirike Anny Akhmatovoi [“I” and “We” in the Late Lyrical Poetry of Anna Akhmatova]. In *Problemy yazykovoi kontseptualizatsii i kategorizatsii deistvitel’nosti*. Yekaterinburg, Izdatel’stvo Ural’skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, pp. 109–117.

Sreznenskaya, V. S. (1991). Dafnis i Khloya [Daphnis and Chloe]. In Vilenkin, V. Ya., Chernykh, V. A. (Eds.). *Vospominaniya ob Anne Akhmatovoi*. Moscow, Sovetskii pisatel’, pp. 5–19.

Suvorova, K. N. (Ed.). (1996). *Zapisnye knizhki Anny Akhmatovoi (1958–1966)* [Notebooks of Anna Akhmatova]. Moscow, Torino, Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva na russkom yazyke, Giulio Einaudi ed. s. p. a. 850 p.

Tsiv’yan, T. V. (1989). Cassandra, Didona, Fedra. Antichnye geroini – zerkala Akhmatovoi [Cassandra, Dido, Phaedra. Ancient Heroines – Mirrors of Akhmatova]. In *Literaturnoe obozrenie*. No. 5, pp. 29–33.

The article was submitted on 13.01.2024